

21.04.26 в период с 13:00 до 18:00 меня привезли в здание администрации, в котором находится оперативный отдел. Среди осужденных и местных это место называется «Лубянской». Там были двое осужденных: Буланов и Михаил. Они подвели меня к туалету и сказали, чтобы я почистил унитаз. Я отказался. Они сказали, что тогда я должен зайти в кабинет рядом.

Я зашел в этот кабинет, там сидел сотрудник Соболев Михаил Анатольевич. Мы с ним разговаривали около полутора часов, он представился вроде спокойным, нормальным человеком. Мы разговаривали на разные темы и несколько раз все сводилось к тому, что я обязан делать все, что тут говорят. В частности, например, почистить унитаз. Я каждый раз возражал и отказывался это делать.

Затем, когда я в очередной раз отказался, он то ли нажал на какую-то кнопку, то ли позвонил, я не помню, после чего сразу в кабинет забежали те же двое осужденных. Они повалили меня на пол. Буланов уселся на мое туловище. Я при этом лежал на спине. Михаил уселся мне на ноги и начал обматывать их скотчем. Я всячески пытался вырваться. В итоге мне всё-таки обмотали ноги скотчем, затем Михаил несколько раз ударил кулаком мне в пах, чтобы я перестал сопротивляться. Потом стали мне обматывать скотчем руки. После этого они перевернули меня на живот.

Затем подключился Соболев М.А., он сел мне на спину, Михаил сел мне на ноги, а Буланов стал бить меня по пяткам деревянным молотком. Я стал кричать от боли, при этом Соболев сел так, сдавив мне спину, и мне было трудно дышать. Мне было больно и в то же время очень трудно дышать. Я стал задыхаться и терять сознание. Когда мои крики стали затихать, Буланов прекратил бить по пяткам. Они подождали, когда я приду в себя, а потом снова стали бить по пяткам, и также сдавливать спину, и мне трудно было дышать.

Я снова стал терять сознание, и они прекратили бить. Затем они стали мне угрожать изнасилованием. С меня стянули штаны с трусами. Буланов и Михаил в разных выражениях заявляли, что сейчас я буду изнасилован. Михаил стал намазывать крем на моё анальное отверстие пальцами, но в какой-то момент это прекратилось, но продолжали угрожать, что по очереди войдут в меня.

Затем в кабинет вошёл сотрудник, которого, как я помню, зовут Алексей Викторович. Он не участвовал во всём этом, но видел, как я лежу со спущенными штанами. Он о чём-то поговорил с Соболевым, а через несколько минут Буланов схватил меня за руки, а Михаил за ноги, и так они понесли меня в коридор. Там находился люк канализации. Они стали угрожать мне, что обмакнут меня головой в нечистоты, которыми была полна канализация.

Они приближали моё лицо к этим нечистотам, и когда мое лицо от этого всего было буквально в 2 см, они выдернули меня обратно и понесли обратно в кабинет. Соболев при всём этом также присутствовал.

Когда меня вернули в кабинет, Буланов и Михаил стали бить меня ладонями по лицу, наступать на меня ногами (на тело, на шею) и продолжать угрожать изнасилованием. Так происходило несколько минут. Меня снова перевернули на живот, а затем Буланов и Михаил куда-то ушли. Соболев остался.

Он подошёл ко мне и стал методично бить ладонью по моей голове. Делал он так долго, порядка ста раз. Затем он сел за свой стол, потом снова подошёл ко мне и закрыл руками мои нос и рот, так что я не мог дышать. Я стал задыхаться и терять сознание. Когда я уже почти потерял сознание, он убрал свои руки.

Затем какое-то время спустя он снова стал бить меня ладонью по голове. И ударил так раз 50. Какое-то время спустя вернулись Буланов и Михаил. Они снова схватили меня, как и до этого, и понесли на второй этаж, в кабинет оперативного отдела. Там находились два оперативника: Киселев Павел Павлович и Евгений Аджиевич (фамилии не знаю).

Меня положили на пол, на живот. Я почувствовал, как на мизинец правой ноги наматывают провод. Я стал сопротивляться, но в итоге они подсоединили провод сначала к правой ноге, потом к левой. Потом Буланов пустил ток. Я вскрикнул. Он сказал: «А, завизжала, сучка». И после этого подключил ток ещё на дольше.

Боль была такая страшная, что я стал истошно кричать во всё горло. Тогда Буланов и Михаил задумались о том, как заглушить мои крики. Михаил сбегал в коридор и включил там радиоприемник на всю громкость. А Буланов включил попсовую музыку на музыкальном проигрывателе.

Затем Буланов снова пустил ток. Как только я начал кричать, Михаил приложил полотенце к моему рту. Было очень больно и страшно, от чего я хотел потерять сознание. Когда я стал терять сознание, ток отключили. Полминуты спустя пустили ток снова, и всё это продолжалось ещё какое-то время, мне подключали ток и прикладывали полотенце ко рту.

Ток снова отключили, меня перевернули и усадили на полу, прислонив к кушетке, я видел провода, тянущиеся от моих ног. Оперативники стали со мной разговаривать и убеждать меня в том, что я обязан делать всё, что мне говорят. Я не соглашался. После этого мне снова пустили ток (Буланов и Михаил), потом снова разговаривали, я снова стоял на своём, и пустили ток ещё раз.

После этого Евгений Аджиевич приказал снять с меня провода и срезать скотч, которым я был обмотан. И мне позволили надеть трусы со штанами. Буланов и Михаил удалились из кабинета.

Я стоял и разговаривал с оперативниками. Затем зашли ещё двое сотрудников, они тоже всячески настаивали на том, что я обязан делать то, что мне приказывают. Я продолжал стоять на своём.

Когда рабочий день подошёл к концу, меня увели в карантинное помещение. Евгений Аджиевич при этом обещал, что завтра со мной поговорит. Когда я вернулся в “карантин”, у меня болели сильно пятки, болел пах и икры ног, судя по всему от тока.